

Дослушанный звук

Зинаида Миркина

Мне в этой жизни довелось
Дослушать каждый звук.
Все вещи доглядеть насквозь
И очутиться вдруг
В потустороннем, за судьбой
Как будто пройден мост,
Соединяющий с собой
И с каждой из звезд.

ДОСЛУШАННЫЙ

ЗВУК

ЧЕРЕЗ АД

* * *

Он так просил всего лишь час
Быть рядом, не смыкая глаз,
Всего лишь только час один
Быть с Ним на глубине глубин,
Глядеть туда, куда глядят
Его глаза — в кромешный ад,

В такой огонь, в такую тьму,
Каких не вынести одному.
Он этой ночью приоткрыл
Впервые, сколько нужно сил,
Чтоб солнцем встать из тьмы. И вот
Отёр со лба кровавый пот,
В молчаньи посмотрел окрест
И, встав с колен, пошёл на крест.

* * *

Бог – это выход. В полной темноте.
В пространстве без дорог.
Скажите мне – есть выход на кресте?
- Тогда есть Бог.

I

Крест-на-крест перечеркнут свет -
Чернобыль. Сумгаит. Армения.

- Так Бога нет?

- Он на кресте висит.

Зияющая чернота

Завещана живым.

Он — на кресте.

Мы - у креста.

И мы

Его

храним.

Надеждам наступил конец.

Земле - последний час.

Хороним Бога внутрь сердец.

Да встанет Он из нас!

II

Да встанет Бог! Нет, не с небес

И не с других планет. –

Из сердца нашего воскрес

Бог. Или — Бога нет.

И есть всего один призыв:

Вот с этою весной

Да встанет Бог, который жив,

Раз вся любовь со мной!

Огня Господнего печать —

Бог, вдавленный в меня.

О, только бы не растерять

Ни искры от огня!

Всю грудь, всю плоть мою прожёт

И зреет в глубине.

Да будет Свет! Да встанет Бог,

Схороненный во мне!

III

Вся тяжесть рухнувшей Земли

И — семя Бытия.

На чаши равные легли

Мой Бог и боль моя.

И в пустоте качнулась вновь

На дрогнувших весах

Неодолимая Любовь

И неподъёмный Страх.

Моя душа должна опять

Найти противовес

И неподъёмное поднять,

Чтоб умерший воскрес!

* * *

Невозможному поверьте!

Только Дух оборет прах.

Дух живой в середине смерти

И ликующий в скорбях.

Дух мелькнувший птицеи белой,

Звоном, таяньем, весной.

Тот, которому нет дела

До всей тяжести земной! —

Сквозь и над - всегда в полете,

Ни замкнуть, ни обороть,

Дух противящийся плоти
И живящий нашу плоть.
Одоленье, легкость груза.
Свет в кромешной темноте
Радость в боли, воля - в узах,
Выход даже на кресте.
Зорче зренья, чутче слуха,
У бездонности на дне...
Помолись Святому Духу
О себе и обо мне...

* * *

Как рассказать склонившимся к могиле,
Что смерти нет, что свежая листва
И все цветы со мною говорили,
Когда умолкли навсегда слова?...
И как унять великий страх разлуки,
Что чуть отхлынув, подступил опять?
Как разомкнуть сомкнувшиеся руки
И как от сердца сердце оторвать?
Великая последняя дорога,
Сокрывшаяся в непроглядной мгле...
Когда святые хоронили Бога,
Какая скорбь стояла на Земле!
Зачем-то надо это сердце кинуть
Внутри бездны – перейди, переплыви
Бескрайность боли, слезную пучину, -

Великий, полный океан любви...
И различи ликующее пенье
С той стороны прорвавшихся осанн...
Ты можешь долюбить до воскресенья,
Вмещаю в сердце целый океан.

* * *

Так ты не умер, Ты - передо мной.
Твои глаза переглядели смерть.
Она прошла, не выдержала взгляда,
Немеркнувшего в непроглядной тьме.
Твое лицо вошло из тьмы кромешной
И вот стоит в зените Духа.
Мне все равно во что оделся Ты,
Из плоти Ты глядишь или с иконы.
Ты здесь. Тебя я осязаю сердцем,
Вмещающим всю меру ликованья,
Весь океан любви. Ты здесь. Ты вот,
И если был такой безумный миг,
Когда чело Твое покрылось потом
И взгляд померк, то этот миг прошел.
А Ты остался, Ты пройти не можешь.
Твое лицо дозрело до бессмертья.
Ты сам и есть Бессмертье, и другого

Бессмертья не бывает.
Тебе причастный, сросшийся с Тобою,
Становится бессмертным.
А те, кто незрели и упали
С Живого Древа?
Вот за них, за всех...
Ведь потому и был кровавый пот,
Что Ты оставить никого не можешь...

ДИПТИХ

Держи ум свой во аде
и не отчаивайся.

Св. Силуан

I

...А это слово "человек"
Звучало гордо. О, как гордо!
Какие мощные аккорды
Озвучили железный век —
И заглушили литургию.
Одни намеренья благие
Гремели как колокола
Победные над силой зла.
Век был уверен и параден.
Он позабыл, что рядом край.
— И мы не держим ум во аде.
Нам усыпил сознание рай.
Мы сами боги. Нам не надо

Напомянуть про пламя ада,
— Про этот внутренний огонь.
Нам нужен гром и лязг погонь,
Нам надо бить по зеркалам
И превращать в руины Храм.

II

Но в рай не входят мимо ада.
Так было. И да будет так.
И лишь не знающие пощады
К себе, способен выжечь мрак.
Есть равновесие в природе
Уму неведомый закон:
И если в мире свет восходит,
То значит в Боге мрак сожжен.
И выносил тоску такую,
И так сегодня солнцу рад,
Что всеми крыльями ликует
Мой дух, прошедший через ад.
И он готов спуститься снова
В крошечный мрак, сойти на нет,
Чтоб беспощадный Иегова
Сказал опять: "Да будет свет!"

* * *

Есть остров Сознания в разливе Стихии.
О, берег размывшие волны морские!

Высвобождаясь из тенет,
Выходит из могилы Лазарь,
Над миром вновь восходит свет.

Но чтобы он восстал оттуда, -
Из бездны, с мирового дна, -
В великом напряженьи чуда
Душа безмолвствовать должна.

И вечно укрощает волны
И по морю ступает Тот,
Кто не нарушить, а исполнить,
Кто созидать сей мир идет.

И – снова буря... Боже правый,
Опять густеет в мире тень,
И ты опять в поту кровавом.
И все-таки – восходит день.

* * *

Встань в молчаньи и дух собери! —
Целый ад загудел над тобой,
Кто промолвил: "Господь мой внутри",
Тот все внешнее вызвал на бой.

Духа с плотью тяжелою спор.

плача

Не разрывали грудь, а - рядышком со
мною...

Пусть духу моему судьба предел очертит:
От сих, мол, и до сих, как тварям суждено.
- Да разве можно жить, соседствуя со
смертью?

Когда - ни жив, ни мертв? – Нет,
что-нибудь одно!

Единый океан, в котором нету края,
Единый небосвод, в котором нету дна...
Когда приходит смерть, я с каждым
умираю,

Когда ликует Дух, вся смерть побеждена
О, Господи, прости за малодушие наше,
За этот вечный страх у роковой черты...
Да, все еще звучит моление о чаше.
Но - не как я хочу, а так, как хочешь Ты...

* * *

Нам даются равнины бескрайние эти
И молчащих морей синеокая гладь,
Чтоб могли мы всем сердцем, всей
жизнью ответить.

Вопрошают они, а душе — отвечать.
Я в сей мир рождена для ответа, я знаю.
И течение дней, нагнетание лет —

Они тебя не замечали.
И прямо при Тебе кричали,
Как в помещении пустом,
Хотя ведь это был Твой дом.
Они творили, что хотели,
Как будто-бы на самом деле
Ты - миф. И разносили в дым
Твой мир. И это под Твоим
Безмолвным взглядом, Но они
Считали, что совсем одни
И всё способны делать сами.
И вот, ступили сапогами
(Еще минута - и к концу
Придут минуты...) - по лицу
По Твоему, по кротким этим
Глазам, вот так и не заметив...

* * *

Так Ты, мой Господи воскрес!
И значит были наважденьем
Все муки мира. - Сон исчез.
Душе настало пробужденье...
Да, оказалась смертным сном
Безвыходность тяжелой яви
И этот крик, как дальний гром:
Отец, зачем меня оставил?!"
Вновь у души есть два крыла,

Чтоб снова вырваться из ада.

Она ведь Господа нашла!

А что ещё ей в жизни надо?

* * *

Воскресенье! Воскресенье!

Боже мой!

Да ведь это свет весенний

Сплёлся с тьмой.

Ликованье — с морем плача,

С Богом — червь.

Кто поймет, что это значит —

Смертью — смерть?

Кто отважится на этот

Крестный путь,

Чтоб пронзить стрелой света

Насквозь грудь?

Стрел скрещенье, — перекрестье

Нет меня!

Взмыл ликующею вестью

Сноп огня.

Ты, восставший из могилы Вещий свет,

Дай мне смерти, дай мне силы

Кануть вслед!

Дай мне, Господи, отвагу,

Дай упор

Для единственного шагу —

В Твой простор.

ТАМАРЕ

I

Грех отвлекать тебя. Ты там
Где все крупнее и важнее
Того, что вечно снится нам
О, эти сны! Кто их навеял?..
Кто мне сказал, что ты мертва
А я жива? - Жив тот, кто в Боге
И нерожденная листва
Живее, явственнее многих
Живых, но не причастных ей –
Душе невидимой твоей
Любимой... Боже мой, ты там
Где ткутся листья, ткутся кроны
И свет, как молоко к губам
Подносишь этим несмышленным
Живым...

Поди-ка объясни

Младенцу, чтобы он не плакал,
Что значат дальние огни
Зари среди лесного мрака...

II

Я призвана помочь тебе

Найти немислимую точность
Путей, а я кружусь в мольбе,
И все прошу тебя помочь мне...
Прости меня... Земля тяжка,
Нам эта тяжесть непосильна.
А ты из темноты могильной
Вплываешь прямо в облака
И в сердце. Сердце набухает
Тобой, как светом небеса,
Как новою листвою — леса,
И каждый новый миг — стихами.
И прежде, чем вериги снимет
Смерть, помоги рассеять сны,
И дай мне встретиться с живыми,
Так, как с тобою, без стены.
Единоверцы, иноверцы
Приснились нам...введи нас в явь!
Лишь подведи поближе к сердцу...
Туда в глубь сердца и - оставь...

III

Вот так нас всех Господь оставил
Здесь, в бездне сердца Своего.
И мы не видим никого.
Но шаг сделать мы не вправе
Без изволения Его...
И мы бунтуем... Боже мой

Бунтуем здесь, в безмолвной глуби
Твоей!... И только если любим,
Душа становится немой
И что-то слышит - пульс, биенье
В разноголосице весенней.
О Господи, какая дрожь
Охватит вдруг, когда поймешь,
Что Ты есть все, что всюду - Ты!
И пусть невидимы черты,
Но, видимости вопреки,
Как сердце, мы Тебе близки.
И что ни капля бытия —
То кровь Твоя и боль Твоя.

* * *

Рядом с пропастью,
 рядом с криком,
 рядом с вырытою могилой,
Рядом с мукой, такой великой,
Что собою весь мир затмила;
Рядом с черным, как полночь горем,
Рядом с брошенным в гибель Лиром
Можно жить только ставши морем,
Ставши пламенем, ставши миром.

* * *

Навстречу ветру,
 навстречу свету,
 навстречу Богу!

Навстречу боли,
 навстречу жизни,
 навстречу смерти!

Без остановки,
 без промедленья —
 одна дорога!

Одна дорога -
 извивы Духа,
 пучина сердца.

Пучина сердца,
 пучина муки,
 пучина счастья,

Ни дна, ни края,
 ни до ни после —
 всё "здесь и сразу".

Кто не дробился,
 кто свод небесный
 не рвал на части,

Тот постигает
 в одном порыве
 небесный разум.

Потрогав сердцем,
 живое солнце —
 в само горенье!

Из мрака смерти —
в огонь творящий,
к Творцу в объятия!
Нельзя увидеть,
нельзя постигнуть
блеск воскресенья!
Нельзя увидеть,
нельзя поверить,
но можно стать Им!

КРЕЩЕНИЕ -
ЭТО ПОГРУЖЕНИЕ

* * *

Крещение - это погружение.
Внутрь, в сердцевину бытия
По чутким, дрогнувшим ступеням
Беззвучно опускаюсь я,
И наступает миг причастья
Тому, что не имеет дна.
Мир внешний над душой не властен –
Я наконец-то крещена.

* * *

Я люблю этот спуск Творца
В растворившиеся сердца,
В темноту, в глубину глубин,
Куда входит лишь Он один.
Спуск последний, последний вход.
Мир оборван, но Он идет.
Почва выплыла из-под ног,
Но по морю ступает Бог,
И я чувствую твердь ступней
В океане души моей.
Шаг один - и, как тяжкий след
В темноте проступает свет.
Шаг, другой, и - из зыбких вод
Первозданная жизнь встаёт.
Третий...Господи, погоди!
Разорваться не дай груди!...

* * *

Снова вечность в мире медлит,
Зацепись за гребни скал.
Свет уходит в тот последний,
В тот разверзшийся провал,
В то первейшее начало,
В тот сердечный светоём...
Господи, как мало знало
Сердце о себе самом!...

* * *

Одинокий простор,
Одинокость небес,
Прекращён разговор,
Звук последний исчез.
Не увидеть следа,
Не прижаться плечём.
Ничего, никогда,
Никому, ни о чём...
Среди всей широты
Нету места для двух.
Во все стороны — Ты,
Мой разросшийся дух.
Бесконечность моя —
Беспрепятственный рост,
Полнота Бытия —
Вес удержанных звёзд.

* * *

Свой взгляд внутрь камня углубя,
Бог из скалы всю тяжесть вынул.
Мир погружался сам в себя,
Наращивал свои глубины.
Шёл небосвод в обратный путь,
В ту тайну, где пространству тесно.
И тихо кольцевалась суть

За кругом круг, как ствол древесный.

Молитвенный вечерний свет...

Уподобляясь Мiroдержцу,

Держало за весь мир ответ

Наполненное миром сердце.

* * *

И смерть, и Время обратимы.

У выцветших смиренных вод

Гора встает, как образ зримый

Того, что вовсе не прейдет.

Безмолвно вечное начало,

Перечеркнувшее число.

В самой себе гора собрала

Всё то, что время унесло.

Мой образ и моя опора...

В самой себе откроет грудь

Того, кто может сдвинуть гору

И все ушедшее вернуть.

* * *

... И вынесла из недр душа моя

Познание о всемогущем «я».

О том, кому не надо ничего

Иного, кроме самого

Себя. И кто не обратится ни к кому,

А только лишь к себе же самому

За помощью. И сам один за всех
Возьмет ответ за первородный грех.

* * *

Я только лишь в детстве не знала,
Как тяжело быть очень большой,
Обычною и небывалой,
Для всех непонятной душой.
Как тяжело быть вечно в ответе
За всех. – Ни одно существо
Не вчуже. – Ведь все мои дети,
А старше меня – никого.

РЕМБРАНДТ

Блудный сын

I

...И вот вошло другое измеренье.
И стало тихо. Как перед концом.
Или началом. И не нужно зренье
В той тьме, где Сын встречается с Отцом
Не нужно больше наших блудных глаз,
Лишь только сердце сущее безвестно
Растет, растет и занимает в нас
Своё, ему назначенное место.
В грудном провале, в глубине покоя
Нет посторонних. Смолкло естество.

И разрослось, как Древо мировое
Одно лишь сердце. Больше - ничего.

II

Окончен путь. Еще в пыли дорожной
Ты весь. Со лба стекает кровь и пот.
Но сомневаться больше невозможно:
Здесь сердце видит. Сердце узнаёт.

III

Свет внешний стих, поник, погас.
И лишь тогда очнулись свечи.
И бездна приютила нас,
Окутывая лоб и плечи.
Слоистый, движущийся мрак,
В котором наше зренье тонет,
Так бережен! Он нам не враг,
Он не чужой, не посторонний...
Вот он коснулся наших ран,
Соединил куски и нити.
Незримый, тихий океан,
Священный, внутренний Целитель...
И мы уже в ином краю,
Где нет ни щели и ни дверцы
Мы погрузились в грудь свою,
Упали в собственное сердце...

* * *

О, как затягивает душу

Вовнутрь, на родину!...
Вот так Орфей спускается во мрак
И за собой все свечи тушит.
Вовнутрь к любимой... Как темно
В той Глубине, где мы — одно.
Какое счастье, что на нет
Сошел нас разделявший свет,
И тайно брезжит только тот,
Что изнутри души встаёт...

* * *

Есть в тишине высокогорной
Миры творящая любовь.
И бурей вырванная с корнем
Душа в себя вращается вновь
Там Бог.
Сорвавшийся с обрыва,
болью мира поражен,
Услышал голос Бога Иов
И внутрь себя вернулся он.
И вот - ветров как не бывало.
И с самой глубины, со дна
Разверзшегося вдруг провала
Взошла, как солнце, тишина.
И стихли все вопросы, кроме
Из недр воззвавшего ко мне...

Приходит Бог в огне и громе.

Но пребывает - в тишине...

* * *

-А тишина была сейчас
Присутствием. Здесь, среди нас,
Когда пропал последний след,
Когда и мысль сошла на нет,
Когда разжались кисти рук,
Тогда и проступило вдруг
То, что ни спрятать, ни обрести,
То... Сущее... Вот То, что ЕСТЬ
И нас Оно пересекло,
Как Серафимово крыло,
И властно возвратило вновь
Дыханье в грудь и в жилы кровь.

* * *

Когда приходит тишина,
Нам ясно слышно, что одна
И та же Жизнь из года в год
Сквозь это Дерево течет
И через сердце... Тайный плод
Растет на Древе Бытия
И этот плод — душа моя.
Но Бог нам трогать не велел

Сей плод, покуда он незрел,
И мы ещё себе самим
До срока не принадлежим.
И надо нам безмолвно ждать,
Когда проступит благодать
Сквозь нашу боль, сквозь наши сны
Переизбытком Тишины.

* * *

Не нарушай покой тревогой,
Не приходи сюда с бедой —
Гора стоит надгробьем Бога
И дух трепещет над водой.
И в мире места нет священной,
Чем этих всхолмий тишина,
И тайна смерти - воскресенья
В сей тишине заключена.
Тоска, обида, боль и злоба —
Здесь всё должно сойти на нет,
В молчании застыть у гроба
И смертью смерти дать ответ.
И жизнь, и смерть пришли к границе
Дух веет посреди пустынь.
Кощунство — не остановиться,
Кощунство — не сказать "Аминь!"

* * *

Когда на мир заря легла,
Архангел развернул крыла,
И весь глубокий, долгий час
Его крыло хранило нас.
Меж нами и судьбой слепой
Навис архангельский покой
И бесконечно ясный взгляд,
Какого не выносит ад.
И вот, князь мира победим.
Он там внизу, а Мы - над ним.

* * *

Здесь нет других, в великой тишине
Лесной - душа с собой наедине.
Хоть голосов невидимых не счесть,
Здесь нет других. Но здесь ведь кто-то
есть...
Белеет ствол, изогнутый дугой,
Шуршит листва... Да, есть - но не другой
Здесь нет других. И здесь душа должна
Изведать твердь неведомого дна,
Спуститься внутрь, в сгустившуюся тьму
И высветить до дна себя саму.
Установи с самим собою связь,
И лишь тогда, незримо засветясь,

Иди к другим, шепча, как лист лесной:

Я не другой, - вы все - одно со мной...

* * *

День умирал, день уходил.

Но было так полно значенья

Его последнее мгновенье,

Как будто кто-то говорил,

Во всё залившей тишине:

Остановитесь и поверьте —

У жизни на глубоком дне,

На самом дне лежит бессмертье.

ПОСЛЕ АЛЬТОВОГО КОНЦЕРТА А. ШНИТКЕ

Как Та, бессмертная - из пены

Богиня - из текучих вод,

Так восстает душа из тлена,

Из смертной тяжести встает.

Совсем в ничем - нагая - Божья

Восходит, как дрожащий свет,

Из всех надежд и безнадёжья,

Из поражений и побед.

И невесомей сна и пуха,

Над мириадами - Одна,

Всесовлекающего Духа

Трепещущая Тишина.
Дошелестела, дозвучала
До замирания зыбей. –
И мы — перед своим Началом,
Перед всецелостью своей.

* * *

Я в тишину иду за кладом.
Он скрыт в глубокой тишине.
Он на виду, почти что рядом,
Но не дается в руки мне.
И я спускаюсь по ступеням
Туда, где замирает шум,
Туда, где сердце на коленях
И в полном обмороке ум.
Недвижимое море Духа. –
Простор во все концы открыт.
И слышно, как не только муха,
Как мысль внезапно пролетит.
Теперь бери его руками
Он твой, препятствий больше нет, -
Ключ жизни, философский камень
Иль вечной юности секрет.

* * *

Мы вышли из себя, мы перешли границу,
Чтоб где-то впереди искать мечту свою,
Но в рай нельзя придти. –

В рай можно возвратиться.

В рай входит только тот, кто был уже в
раю.

Лишь только блудный сын, лишь только
тот паломник,

Кто весь в слезах замрет у собственных
Дверей.

Не отыскать, о нет! Ты можешь только
Вспомнить
Того, кто жил всегда внутри души твоей.

Лишь то, что знала я, вновь встречу и
узнаю.

Я видела мой мир еще в домирном сне. –
И тот сосновый ствол, и эта глубь лесная –
Все это было мной. Все это - вновь во мне.

* * *

Как я люблю движение мысли ввысь,
Вверх по стволам, к такому средоточью,
Где все пути незримые сошлись
И можно видеть скрытое воочью
Очами Духа... Мир наш долюбя

До сердцевины, до сквозящей раны,
Втекает Дух внутрь самого себя, —
В безмолвие сплошного океана.

* * *

Как тихо!... Тишина стоит
Как столб. И мир так неподвижен,
Что мы сейчас к Истоку ближе,
Чем тот, кто под плитою спит.
И Путь неведомый открыт,
Как грудь, и каждое мгновенье
Идет немое возвращенье
В себя. И что есть воскресенье,
Как не вот этот разворот
Души во весь небесный свод?
Развертывание тайной ткани,
Тех спрятанных в глубины дней...
И обонянье, осязанье
Всей бесконечности своей.

* * *

Душа была стволем древесным
И мне дано сейчас узнать
Его, и возвратиться вспять —
Войти в саму себя - воскреснуть

И нет другого воскресенья,
Помимо этого - возврат
Внутрь каждого, кто был отъят
От сосен, неба и сирени.
Сирени новые цветы
Их благовест благоуханный
Земли немолчная осанна
И птичий выкрик: Это Ты!

.....

Но только надо никого
Не пропустить... Листочек каждый
Включить внутрь сердца своего. –
Да утолится в мире жажда!
Да отопьёт меня любой,
И станет снова сам собой.

РАНЯЩИЙ СВЕТ

* * *

Смиренье осени моей...
Листы, летящие с ветвей.
Пронзительная красота
Для смерти зрелого листа,
И трепетная благодать –
Готовность всё, что есть отдать...
Хоть каждый лист мне дорог так,

Как Аврааму - Исаак,
Но всё-таки, мой мир земной,
Не встань меж Господом и мной...

* * *

И снова — угасанье дня,
Но перед тем, как мир покинуть,
властно раздвигал меня
Он мял мне сердце, точно глину.

И с дрожью понимала я,
Что смысл всей жизни только в этом
Одном, чтобы душа моя
Дрожала от касаний Света.

* * *

Здесь тишина стоит такая,
Как будто мир пришёл к черте.
Жизнь совершенно умолкает
И зависает в пустоте.

И Дух в час высшего призванья,
Как ясной осенью леса, —
Земные сбрасывает ткани
И примеряет небеса.

Они ему как будто впору.
И вот, в сияние одет,
Он сам сливается с простором,
В котором развернулся свет.

И пламя, вспыхивая всюду,
Пронзает нас то здесь, то там,
Как бы примеривая чудо
К земным трепещущим сердцам.

И в совершенном бескорыстьи,
В прозрачной лёгкости своей,
Как ангелы ликуют листья,
Слетая в пустоту с ветвей.

* * *

Опять на блёклом небосводе
Открылся узкий тайный путь.
И жизнь в который раз уходит
И Вечность к нам стучится в грудь.

В который раз нам брезжит снова
В щелях разреженных берёз
Наш смысл..., но сердце не готово,

И — осыпь листьев, осыпь слёз...

Но, может быть, мир зыбкий лепит
Из этой осыпи Господь,
И вся Поэзия есть трепет,
С которым Вечность входит в плоть?...

* * *

Чуть-чуть березы пожелтели,
Лес только тронут сединой,
И золото пронзило зелень,
Как весть о глубине иной,
Как тайное напоминанье
О многомерности широт,
О том, что за земною гранью
Нас пламень негасимый ждёт.

* * *

Пора земного увяданья,
Печали ароматный дым...
И листья раненые ранят
Дрожащим золотом своим.

О, голос боли постоянной!

Дрожание горящих слёз...

Благословенна эта рана,

Которую нам свет нанёс.

* * *

Сквозящий мир, сквозящий свет...

Что в нас сквозит на склоне лет?

В осенний наш, в прозрачный час,

Что тихо светится сквозь нас?

Когда скудеет естество,

Редет лес, а сквозь него!...

I

Хрустальный день. Он весь отмыт

До блеска. И сквозь мир глядит

Бессмертие, Душа ясна

До обнажившегося дна.

И будто бы со всех сторон

Доносится чуть слышный звон

Хрустальных капель, И земля

Дрожит от звона хрусталя.

Тончайший благовест... Сейчас

Все смертное уйдёт от нас,

И ото всех пространств и лет

Останется хрустальный след:

Застывший звон, недвижимый взгляд,
Каким бессмертные глядят.

II

Окончился приток тепла.
Душа росла, росла, росла
И выросла. И лишь теперь
Хрустальная открылась дверь
В хранилище – в предвечный храм,
Закрытый жару и ветрам.
И то, что зрело на земле,
Хранится будто в хрустале
Среди сверкающего льда
Как неподвижная звезда.

* * *

Как я люблю безмолвье сентября!
Душа немеет у себя на тризне.
Холодная осенняя заря
Нам говорит об остановке жизни.

Ты больше не участвуешь в борьбе
И не нужны ни громкость и ни сила.
Жизнь тихо собирается в себе
И как кристалл светящийся застыла.

О, этот свет! Что значит ветра свист
И дождь холодный, хлещущий нам в лица?
Лишь только тот слетает, точно лист,
Кто сам в себе не смог остановиться.

* * *

Будто тихо задрожали слёзы
Жизни отступающей вослед —
Золотом закапаны берёзы,
В мир по капле натекает свет.

Да, по капле, тайно, постепенно
Землю отбирая у меня...
Согласится ль сердце на замену —
Свет и Дух взамен земного дня?...

* * *

В лесу сиянье зажжено,
Настала царственная осень,
И сердце ни о чем не просит
И светом до краев полно.
Все ближе наш земной предел,
Все меньше день, но длинный-длинный
След от него. И плод созрел,
И тяжесть с легкостью едины.

* * *

Никто чертой не обведет
Творца, никто не втиснет в образ.
Он сам прочерчивая вход
Внутрь нас, нам взламывая ребра.

Ни жалости и ни добра. –
Он входит, грудь нам раздвигая.
Но лишь из моего ребра
Родится в мире плоть другая.

Он должен нас перебороть,
В глухой ночи сразиться с нами.
Он истончает нашу плоть,
Как волны моря точат камень.

Растит нам зрение и слух
И обретает сквозь потери.
Нас так теснит творящий Дух,
Как волны размывают берег.

Когда ж сопротивленья нет,
Когда душа уже покорна,
Он оставляет тяжкий след
Присутствия. И это – форма.

* * *

Не мир, но меч. Тот самый меч,
Который может пересечь
Дурную бесконечность. Тот,
Что смерть саму пересечет.
Тот меч, что не оставит нас
Таковыми, как мы есть сейчас,
А за сверкнувшую одну
Минуту даст нам глубину
И даль. — Тот меч или резец,
Который в руки брал Творец,
Когда из тяжести и тьмы,
Вздохнув всей грудью, встали мы.

* * *

Когда стучится Вечность в нас,
Она пересекает час. И, точно серафимов меч,
Нам грудь готовится рассечь,
Чтобы зияющий провал
Вдруг стал началом всех начал.

* * *

В тот миг упали все преграды,
Что были меж тобой и мной.
Не близко... Мы уже не рядом –

Мы просто сделались одной
Душой и плотью. И весь воздух
Вдруг выпит за один глоток.
Прожгли всю ткань пространства звёзды,
И в щели мира глянул Бог.

* * *

Этот миг размыканья души,
Миг раскрытия зренья и слуха...
Глубь бездействует. Только дыши –
Ты сейчас начинаешь от Духа.
Ты сейчас уже больше не ты.
Кто-то вторгся, весь лад твой разрушив.
Двери настежь! Запоры сняты!
О сквозняк, опрокинувши Душу!
Световал, заливающий тьму,
Вихрь, бросающий семя в глубины,
Прав лишь тот, кто открылся Ему,
Кто позволил себя опрокинуть.

* * *

Я знаю миг единственного чуда,
Когда мой дух, раздвинув естество,
Не уместился в ёмкости сосуда.
Я где-то возле устья своего.
Вот — вот вино прольётся из бокала, -

Движение от Тебя ко мне
Та безоглядная потеря,
То ликование от потерь,
Стремление насквозь и через,
Всегда распахнутая дверь,
Слияние выхода и входа
В единый ритм: конец и — вновь! —
Неисчерпаемость свободы
И совершенная Любовь...
Они всегда приходят сразу,
Одна другой вступает в след. —
Дух никогда ничем не связан
И - без любви дыхания нет.

* * *

А осень – раненая птица,
Что замирает на пути,
И, словно в дом, нам в грудь стучится
И просит жалобно: впусти!
Да, просит раствориться настужь,
Чтоб ей не биться на лету,
Чтоб скрыть от мрака и ненастья
Трепещущую красоту.

* * *

Где твой предел, душа моя?
Простор небес неисчерпаем.
Кто может знать, что там, за краем,
Когда отсутствуют края?

Дух вечно веет сквозь пределы,
Всегда — насквозь, и потому
Так верит, так ликует тело,
Все тайники открыв Ему.

Царь радости моей великой
О, Ты, который овладел
Всем сердцем, — Внутренний Владыка,
Огонь, сжигающий предел!

ПЕРЕНАСЫЩЕННЫЙ СОБОЮ ДУХ

I

Миротворящий вечер. Я права
Лишь потому, что мы с Тобой одно.
И что ясна, как небо, голова
И у души просвечивает дно.
И там, на дне, сквозь мировую тьму
Как звёздный контур проступаешь Ты.
Я не собой полна, Вот почему
Такая тяжесть тайной правоты.

II

Я есть не я. Мы не собой полны
Себе не равен ни один живой.
Звук есть переизбыток тишины
И я сама переизбыток Твой.
Так на ветвях, на кончиках ресниц
Прозрачной каплею повис, набух,
Тот, кто выходит из своих границ, -
Перенасыщенный собою Дух.

* * *

Что значит вечность? Чуть шуршит прибой
И даль такая сказочно большая,
Что воссоединению с собой
Уже ничто на свете не мешает.
И вырастает сердце в полный рост,
И открывает новый край за краем,
И с самых ближних и далеких звезд
Само себя по крошкам собирает.

* * *

Всеобнимающая гладь,
Возьми меня, расправь, разгладь
И дай мне вспомнить, кто есть я
По первомысли Бытия.
Простор, который вечно чист.
Развернутый Господень лист, -

Всегда готовая тетрадь,
Чтоб заново весь мир писать.
Есть море. Вот и весь залог
Того, что существует Бог.

* * *

Море - это душа, развернувшая крылья.
Как могла я не знать, как забыть я могла,
Что имею всемирные эти крыла
И что мне не дано уже прав на бессилье
Стоит сделать всего лишь один разворот,
Да, один разворот, лишь одно мановенье –
И вселенная вся под крылом восстает,
И готовится в недрах земли воскресенье...;

* * *

Морской простор зелёно-голубой
Как небо безразличен к нам с тобой,
И не внимая ни одной мольбе,
Нас учит безразличию к себе.
И вот когда душа изнемогла,
Вдруг развернулись два её крыла,
И видим мы, что этот пенный вал
Нам мощь свою упорно предлагал
И эта развернувшаяся глдь
Готовилась крылами Духа стать.

* * *

Предвестие весны. Предвестье
Бескрайности заходит в грудь.
Вот-вот... сейчас ты сможешь вместе
Со всей Вселенною вздохнуть.
Набухли далями глубины,
Неслышимое льётся в слух.
Вот-вот сейчас растают льдины
И хлынет жизнетворный Дух.
Набухла, точно свет весенний,
Как звук в архангельской трубе,
Моя тоска по воскресенью,
По всевмещающей Себе.
Моя неведомая сила,
Мой нераскрытый тайный глаз –
Душа, которая вместила
Все нерождённое в "сейчас".;

* * *

Настройка инструментов... Птйчии гам
И эти тяжелеющие тени...
Прислушиванье к мировым шагам,
К далеким облакам прикосновенье...
И от души замкнувшейся твоей
Отвален камень. Боже, Дух отпущен

В такой простор, где больше нет частей –
Из всех бессильных собран Всемогущий!

* * *

Да обернись, пока не поздно!
Все несерьезно, несерьезно!
И как ты мог принять всерьез
Смерть света ночью? Смерть берез
Под снегом белым? Как ты мог
Не знать, что хлынет в мир поток
И в миг один омоет всех,
Разбрызгивая свет и смех?!
Не знал? Не знаешь до сих пор,
Откуда входит в мир простор,
Откуда возникает вдруг
Смеющийся над смертью Дух?
Тот, пронизавший даль и близь?
Так обернись же, обернись!...

* * *

И - снова птицы, снова птицы
И благовествует Весна,
Что мёртвому опять опять не спится,
Что смерть на время нам дана.

Да разве вы не узнаете,
В комочках будущей листвы
В новорожденной нежной плоти
Все то, что так любили вы?

О, Господи, какая сила
Грядет из глубей бытия!
И если мёртвых не вместила
Моя душа, зачем же я?

I

Как просто жить в стране лесной –
Расправить крылья за спиной
И взмахом одного крыла
Стереть всё то, что нанесла
За годы жизнь.

Единый взмах —

И - Дух есть Дух, а прах есть прах.

II

А за окошком — сразу Бог.
Вот только выйди за порог,
Вот только лишь глаза открой,
И — ангелов поющих рой
Тебя обступит. Ты в раю
И душу вечную твою
Здесь каждый узнает.

А ты

Вот эти первые листы

Узнал?

* * *

И снова во всю душу свет.

И вот опять душа моя

Очнулась от прошедших лет,

Очнулась от небытия.

Опять из смерти восстаю,

Земные стряхиваю сны

И вечность чувствую свою,

Как запах леса, дух сосны.

* * *

Господи, Боже мой, радость какая!

Мир мой младенчески нов. —

Жизнь пробивается, жизнь возникает —

Клювики первых листков.

Прозелень, точки салатного цвета, —

В недрах густой темноты

Что-то проклюнул ось... Может быть, это

Душ нерождённых черты?

Может быть, это далекое эхо

Тех, отзвучавших... Всех тех,

Кто на вопрос наш отвечает смехом...

Этот ликующий смех!..

* * *

Ты подожди меня, Весна!

Ты задержись немного, -

Душа ее поспеть должна

За пролетевшим Богом.

Одно мгновение постой!...

Но за одно мгновенье

Оделся весь простор пустой

Опушкой весенней!

И наклонился небосвод,

И пролился на травы.

Проси... Ну как же, - подождет

Бегущая орава...

* * *

Опять Весна - насквозь и напролом.

Как взломан лед, так стих ломает прозу

И детство притаилось за углом

Начало жизни - вон за той берёзой.

Все –заново. Осталась лишь любовь.

Любовью вечной Дух из смерти позван.

Бог это значит - всё сейчас и вновь!

Бог - это значит - никогда не поздно'

* * *

Ах, Утро, утро! Утром ранним
Мне птичий голос грудь пронзил,
Захлеб и радость начинанья
Игра и проба вечных сил.

Смычок незримый тронул струны
Незримые... Полёт смычков
И мир сверкнувший, мир мой юный
Опять сначала жить готов.

Сто тысяч лет - и всё сначала
Смерть все взяла и - жизнь есть вновь
Но ведь любовь про смерть не знала
Любовь есть жизнь. Жизнь есть любовь.

А кто не верит, кто не верит –
Ах, утро, утро, убеди,
Что можно все свои потери
В единый миг найти в груди.

* * *

Я знаю тайну песни птичьей, —
Секрет непостижимый тот
Божественного безразличья

К тому, что нас с тобой гнетет.
Возможность моментальной связи
(Той абсолютной, без помех)
Великого многообразья
С единым корнем вся и всех.
Ничто не протекает мимо,
Никто на свете — не изгой,
Любой из нас — незаменимый,
И в каждом есть любой другой.

* * *

Сирень...Густой лиловый цвет И запах этот!..
Дух сирени,
Смывающий в одно мгновенье
Всю тяжесть давнюю, весь бред.
Нет приговоров... Лёгкой тенью
Скользнёт вся вереница лет,
Не оставляя ничего
Давящего. — Всё напросвет.
Есть только это погруженье
Туда, внутрь сердца твоего...

* * *

Тот свет , о., Господи, тот свет,
Где есть всё то, чего здесь нет.
А, может быть, всё то, что здесь
Незримо и беззвучно — есть.

Свои глубины взвороша,
Вдруг раскрывается душа,
И нам доносится ответ
На вечный плач наш: смерти нет!
А всё что будет, всё, что есть
Творится вот сейчас и здесь.

* * *

А мертвых нет... Да, в самом деле,
Ну как поверить мы могли,
Что там, где сосны пошумели,
Где солнце выпевшее ели
Смешали золото и зелень,
Хоть кто-то мертв? Да неужели
Душа не слышит их галдеж,
Вот тех, кто в тайну тайны вхож?...
Весь этот плеск лесной, весь гам
Таинственный, он в душу к нам
Вплывает и оттуда вдруг
Родится тот мгновенный звук,
Тот, легкий... и еще один,
И возникает из глубин
Созвучие... Так как же, как
Не поняты, что это знак,
Что это Дар, что это Весть
От них... - Незнаемое есть!

* * *

Я знаю, - та святая сила,
Что льется из влюбленных глаз,
Весь мир из праха воскресила
И к жизни вызвала всех нас.

И та же сила, что сегодня
Из глаз твоих лилась в меня,
Сияла в радости Господней
В истоке мирового дна.

Вот точно так же в грудь из груди,
В грудь всей земли из глаз небес
Одно всесильное: Да будет!
Одно священное: воскрес!

* * *

Мир создавался невзначай
И создаётся вновь.
Свет перелился через край
И — хлынула любовь.

Избыточный, бурлящий свет
Течёт у нас в крови.
И ничего у мира нет

Насущнее любви.

* * *

Я люблю этот чуткий покой
Затаенного, тусклого дня,
Эту дрёму сосны вековой,
Сон листвы, затянувший меня.

Всё недвижно. И вдруг - соловей
Вторгся в гладь без концов и начал
И за целое море ветвей,
весь мир , за всё сердце сказал.

СОЛОВЕЙ

И поёт,
и поёт,
и поёт,
и поёт!

И уводит меня от меня.
Что с того, что за годом скрывается год,
И без боли и смерти - ни дня?
И поёт. Как поёт!

Боже мой, вот и путь,
Рассекающий все мои дни —

Вознеси в небеса, разорви мою грудь, —
Близорукую смерть обмани!

I

Но если розу доглядеть до чуда...
А как не видеть?! Как же не понять
Откуда эта розовость, откуда,
Каким потоком льётся благодать?!

Упругость лепестков...Какая сила
В одном зерне была заключена
И так безмолвно лепестки раскрыла
И держит...держит...Боже, - вот Она!

А как благоухает! Неужели
Весь этот вал не опрокинул вас?
И вы не услышали, не прозрели?..
Но как же так?..Ведь вот же...
Вот сейчас...

II

А если душу доглядеть до Бога...
Но как не видеть?! Как же это - нет?..
Нас в этом мире бесконечно много,
Но если - насквозь, если - напросвет...

Но если в грудь волной неодолимой
Навзрыд и навзничь...если суждено

Когда-то туманом клубилось в груди.

* * *

Пока еще не обнажала
Себя Господня мысль, пока
Весь мир укутан в покрывало
Тумана, спрятан в облака,
Пока с друг другом все согласно, -
Никто не растревожил гладь,
И нет у демонов соблазна
Схватить, присвоит, разорвать,
И в Вечность вписан штрих мгновенный,
И далью набухает близь,
Вокруг тебя – простор священный.-
Там, где ты встал, там и молись...

* * *

Солнце в белёсом молочном растворе,
Небо без цвета, молочное море.
Горы, как вздохи, как будто в тумане
Таёт и медлит и стынёт дыханье
Нежность избытком в растворе осела
Далью на далях и белым на белом.

* * *

Морской простор совсем притих.

Туман окутывает скалы

Смягчает, укрощает их,

Одев прозрачным покрывалом.

Проникновение тумана...

Какая нежность входит в нас!

И укрощенные титаны

Святыми стали в этот час...

* * *

Световые переливы.

Вспыхнул цвет и вновь потух.

Даль дрожит, пространство живо –

День и ночь в движеньи Дух.

День и ночь душа в движеньи,

Если в ней жива любовь.

Нет повторного мгновенья,

Каждый миг - вся жизнь вновь.

* * *

|

Себя не видеть, о себе не знать,

И только чутя каждое мгновенье,

Как тайную Господню благодать —

Внутри себя беззвучное движенье.

Ни ночью остановки нет, ни днём.
Гул раковины...Море шепчет глухо...
Так вот, что это значит — быть Путём!
Как Дерево — путём живого Духа...

II

Путь Духа — накопленье света.
По капле скапливать...И вдруг
Внутри небес и в сердце где-то
Бутон невидимый набух.
Таинственное набуханье...
Всё сердце — как весенний сад.
И — ликование, ликование! —
Живого Духа аромат!
Перенасыщенность мгновенья —
И — что с тобой, душа моя? —
Бутон раскрылся. Озаренье.
Преображенье бытия.

* * *

Бог есть Любовь. И Бог мой есть.
И это внутренняя весть,
Которую вовеки мне
Не подтвердит никто извне.

Как тихо!... Небо и гора.

Мир — только отсвет от костра,
Что зажигается внутри.
Гори, душа моя, гори...

* * *

И свет, и смерть. Душа на перепутьи.
Перенасыщен тишиною слух,
И сердце раздвигается до сути,
До вечной жизни дорастает Дух.

Как крылья раскрываются в просторе
И золото – в небесной вышине,
Так истина, огромная, как море,
В час этот расправляется во мне.

* * *

Всецелого простора власть
Соединились – «там» и «здесь».
Ведь Бог – неБог, пока не весь.

Пока разрезаны края
И мир на части разделен.
Покуда я есть только я.
Покуда Он есть только Он.

* * *

Как долго росла сосна!...
А с нею – моя душа.
И каждый текущий час
Вливался струею в век.
И кто доглядел до дна
Открытую бездну глаз,
Тот медленно проследил
Течение незримых рек.
И вышел в сплошной простор,
В котором запел орган. –
Намеренность Бытия,
Простертых небес крыло.
В Бессмертии нет часов.
Бессмертие – океан,
В котором собралось все,
Что в наших часах текло.

* * *

Моей душе равна берёза.
И мирозданию — душа.
И все неведомые слезы
За каплей капля, не спеша,
Текут в таинственную Чашу.
Когда наполнится Она,
То будет вечной жизни нашей

И воскресению равна.

* * *

Великий, уму непонятный покой,
Та точная взвешенность Духа —
Немая расправленность глади морской,
Беззвучность, достигшая слуха.

Две шири уравнены. Две стороны.
Двукрыла парящая месса.
И мы соответствовать точно должны
Незримому противовесу.

* * *

Путей у Духа очень много:
Сосна есть путь, берёза - путь
И море - вечная дорога
В заждавшуюся чью-то грудь.

Иди... Иди... Вот так по кругу
Сквозь все и всех идет весна
Мы все проходим друг сквозь друга
Я - путь тебе, а не стена.

Когда-то Тот, совсем' сквозной
Сказал, до капли выпив чашу:

Я Путь и Дверь. Пройдите Мной
В заждавшуюся вечность вашу.

* * *

Как этот воздух по весне
Блаженно чист!
Бог разрывает сердце мне,
Как почку — лист.

И только тот сегодня жив,
Кто смог опять
Благословить святой разрыв
И смерть принять.

О, не вмещенная в умы
Суть бытия —
Свет разливается из тьмы
Как Бог из "я"!

* * *

Все льется, все течет, и даже камень,
Недвижный камень жизнью истекал.
И медленными, тайными глотками
Я пью покой и вечность этих скал.
Простор червонным золотом окрашен

И весь втекает внутрь души моей...
И душу, как наполненную чашу,
В час жгучей жажды, Господи, испей!

* * *

О, боже мой, что делается в мире! –
Он полон светом, растворен, промыт.
Свет входит в грудь, свет раздвигает шири,
Вторгается внутрь глины и – творит!

А мы? О, чем мы заняты сегодня,
Когда весь мир, как растворенный храм,
Сзывает нас, и светлый Дух Господень
Такое Дело предоставил нам?!

ОКЛИК ТИШИНЫ

* * *

Мои собеседник безымянный,
Тот, с кем не скучно никогда.
Чьи речи льются постоянно,
Как шелестящая вода.
Мой собеседник неизменный
Когда в лесу беззвучный дождь

Я слышу голос сокровенный
Я чувствую, как Ты идешь
За каплей падающей следом,
В лад всей Вселенной, сердцу в лад, -
И начинается беседа,
Где слушают и говорят
Одновременно... И чем тише,
Тем больше веской правоты, -
И ровно сколько сам услышишь,
Настолько же услышан ты...;

* * *

Жизнь — это слух. Смерть — это глухота.
Ещё жива. Ещё имею уши.
Ещё душа в себе не заперта,
Ещё могу другие души слушать.
И вслушиваться в тот тишайший Дух,
Что наполняет вечностью минуту.
Жизнь вечная — есть абсолютный слух. —
Возможность постиженья абсолюта.

* * *

Мне душу дождь заморозил.
Уже совсем не надо сил,
Не надо знать, что будет впредь,
Не надо ведать и уметь,
Не надо поднимать весла,

Чтоб лодка жизни вдаль плыла.
А может это, наконец,
Дозвался до души Творец
И начинается возврат
На тысячу веков назад...
На тысячу, на миллион –
До сотворения времен
До своеволя моего –
До отделенья от Него...

* * *

И снова дождь. И снова слышу,
Что мир ещё не есть, но был
И будет. И над самой крышей,
И под землею - шопот сил
В своей таинственной свободе
Свершающих круговорот:
Все то, что есть, уже уходит,
А то, что было, вновь грядёт.
И остановки нет под сенью –
Дробь отбивающих минут,
Дыханье - вечное движенье,
Неутомимый бесприют.
Дух оставляет пепелище
И землю размывает вал.
И почву только тот отыщет,
Кто вовсе не её искал.

* * *

Мир входит внутрь, вливается в душу
Смысл тайный, запах бытия.
Часами можно молча слушать,
Как бьется о листву струя.
И постигать как звери - нюхом -
Проникновением одним
Простор, где запах равен Духу
И Дух, как запах, ощутим.

МАМЕ

Здесь всё меня переживет.

А.Ахматова.

I

Здесь всё тебя пережило. —
Дом старый. Хрупкое тепло
Белёной печки, тишина
И золотистая сосна
И весь знакомый с детства вид.
Но это всё тебя хранит.
Ты выплакала здесь глаза,
Но ни одна твоя слеза
Не затерялась без следа,

А все они втекли сюда,
Вот в эти стены и в меня.
И запах прожитого дня,
Как легкий вздох родимых губ
Хранит в себе молчащий сруб.

II

А эти линии ветвей
В немой неподвижности своей
И листьев зыбкие огни, —
Кого, скажи, хранят они?
Ты знаешь... Так же как и ты,
Он нем, и все Его черты
Размыты, и Его следа
Никто не видел никогда.
И всё-таки со всех сторон
Ко мне доносится: вот Он!
Вселенской тишиной храним,
Он здесь. Как ты. Ты в Нём и с Ним.
Ведь тот, кто совершенно нем,
Уже не отвлечен ничем
От сердцевины бытия,
В которой слиты ты и я.

Сосчитан Богом каждый волос
И все огни на небосводе,
И все листы, и каждый колос
Но что уходит? Что уходит?

Куда втекает жизнь земная?
Кто сможет дни свои расчислить?
И почему Господь роняет
Нас всех, как лес роняет листья?

И остаётся только ветер
Да холод осени, да ливни
И убывает всё на свете,
И только нежность неизбывна..

* * *

Они живут, не отбирая
Пространств у духа. До сих пор
Леса мои, как кущи рая,
Хранят мой внутренний простор.

Леса мои... Но отчего же
Мир как деревья не затих?
И мы ещё никак не можем
Не отбирать пространств чужих?

* * *

Лес это путь. И небо - путь,
Из выси - в глубь, из дали - в грудь
И в мире нет пути прямей,
Чем эти линиии ветвей
И россыпи чуть видных звёзд.
Меж нами не построен мост
И не проложено дорог -
Лишь во всю ширь расправлен Бог.
И всякий истинный монах,
Который прятался в лесах,
Через пустыню мира шёл
За шагом шаг, как в небо ствол,
Отыскивая тайный путь
В ту, всем распахнутую грудь...

* * *

Ничего, пойму когда-нибудь,
Почему так трудно и так больно,
Впереди большой как небо путь.
Неба много, времени довольно. —
Ровно столько, сколько надо мне.
крыла косматые раскинул...
Ведь хватило времени сосне
Вырасти и прошуметь вершиной.
Все равно, сиянье или мрак —
Расстояние преодолимо,

Только бы идти за шагом шаг
Внутри себя, а не в обход и мимо.
Тот, кто бросил семя в темноту,
Дал душе посильную задачу.
Вот и я до Бога дорасту,
Если только время не растрочу.

* * *

Мои деревья - суть моя,
Недвижный стержень бытия,
Аскеза замерших стволов —
Отказ от мимолётных слов,
Отказ от бегающих глаз,
От бега нашего отказ,
Отказ от права повернуть
Вовне... Бессуетная Суть...

* * *

Деревья просят тишины.
Им без нее нельзя на свете.
Но нам их просьбы не слышны,
И нечем нам на них ответить.

Деревья просят высоты, -
Им наша низость не по силам.
И шепчут день и ночь листы

То, что душа давно забыла.

А небо и не шепчет нам,
А говорит одним лишь взглядом. –
Высоким, чистым небесам
От нас глубин прозрачных надо.

Земля уже едва жива,
И молит нас с такой тоскою
Дать ей хоть каплю божества...
Но только что это такое?...

* * *

Мы с тобою молились, как деревья. –
Без молитв – дыханием одним. –
Всем своим безмолвным устремленьем,
Всем единством стихнувшим своим.

Приближались выцветшие дали –
Лес бледнел в предверьи полной тьмы.
Мы с тобой молитв тогда не знали,
Но самой молитвой были мы.

* * *

Молитва? Но она слышна
Сквозь тишь.

И день и ночь дрожит
 душа моя живая
В страданьи и в любви,
 в блаженстве и борьбе.
Быть может, упаду,
 не выдержу, быть может...
Куда б ни привела
 упрямая стезя,
Но ведь моя любви я –
 одно и тоже.
И можно нас убить,
 но разделить нельзя.

* * *

И падает тишайший снег...
Затихни, сдайся, человек
На милость неба... Тишина
Да будет до краёв полна.
Ты можешь пересилить тлен
Лишь тем, что не встаёшь с колен,
Покуда мера тишины
Из той неведомой страны,
Из опрокинутых высот
В земную грудь не натечёт.

* * *

Оно приходит в помощь к нам, когда
Нас, кажется, и сам Господь покинул,
Бездействие — та мёртвая вода,
Что собирает душу воедино.

Всё умерло. Надежды никакой.
Но и отчаянье пришло к границе.
И в этот полный, как весь мир, покой
Вода живая начинает литься.

* * *

Холодный дождь в моём окне.
Хозяйничает вихрь за дверью.
Снаружи - буря. А во мне
Во мне — безмолвие доверья.

Оно скрывается на дне,
В непререкаемом покое...
Снаружи слёзы, а во мне
О, Боже, что во мне такое?

Что значит эта тишина
В ответ на громы и угрозы? –
Покой растущего зерна,
Вбирающего наши слёзы.

Какие тайные дожди
Питают корни этих песен?
Снаружи - страх, а там, в груди –
То, что его уравновесит...

I

Плеск листьев... капель перестук...
Но что-то есть невнятной, тише —
Домирный тот, родимый звук,
Что может лишь душа расслышать.
Струя глубинного тепла,
Чуть плещущая сквозь дремоту...
Душа как будто бы спала,
И вдруг её окликнул кто-то.
И вызволил из полусна,
Из полужизни, полусмуты, —
Миг пробужденья... Я нужна!
Мучительно нужна кому-то...
Вот так, как мне — шумящий вяз
И тот туман почти незримый,
Так вся душа моя сейчас,
Вся жизнь моя необходима.
Я кем-то призвана. И вот
Как ветки плещущие эти
Ищу свой звук, свой путь, свой ход,

Чтобы немедленно ответить.

II

И с веткой ветка, лист с листом

Во что-то сложатся потом.

Потом... потом.. Остановись —

Откуда-то втекает жизнь

Сюда. И будет течь и течь

Рекой... А может это речь?

И узел сросшихся берёз

Есть Слово, что не произнёс,

А произносит в этот час

Вот Тот, кто окликает нас.

И для Него всего лишь миг —

Наш век, который так велик,

Что хватит времени постичь

Тот со звезды идущий клич.

Всего лишь миг... Который год

Он длится? — Дерево растёт,

И этот рост есть жизнь моя,

Закон и мера бытия.

III

Я призвана Тобой, мой Боже,

Я призвана вон той сосной,

Сверканьем золотистой дрожи

В листьях - и этой тишиной.

В родном лесу рассветной ранью,
Едва очнувшись от сна,
Волною властного призванья
Вступает в сердце тишина.

Я призвана лучом рассвета,
Меня зовёт закатный час.
Я знаю - был весь мир ответом
На тайный зов, немой приказ.

Его послушаться не в силах
Никто. Не подведён итог –
И Лазарь встанет из могилы,
Когда его окликнет Бог.

Ты Сам противиться не можешь
Призванию. И час придёт,
Когда Ты мне ответишь, Боже,
Раз вся душа Тебя зовёт

* * *

Лесная, чуткая поляна.
Сосны шуршащая кора.
Полоска легкого тумана
И еле слышный треск костра.

Как будто это речь такая,
Как будто от земного сна
Живую душу окликает
Сгустившаяся тишина.
И оживает тень за тенью –
Дрожащий звук, скользящий след...
Сейчас наступит пробужденье,
И ты поймешь, что мертвых нет.

* * *

День был без солнца. Лес застыл.
Ни дуновения, ни блика.
В своем спокойствии великом
Он как бы набирался сил
Для вглядыванья внутрь.
Бескрайность.

Была до одури близка,
И все же надобны века
Для разворачиванья тайны.
И этот день века вмещал
В свой неподвижный интервал, -
В пространство тихое, пустое
Меж жизнью этою и тою...

* * *

Есть где-то море... Где-то там,
Среди пустых широт
Моя Душа, как гулкий Храм,
Меня безмолвно ждёт.

Моё начало и исток,
Немерянная гладь, —
Молчащий, неподвижный Бог,
Неустающий ждать...

II

А Бог давно утратил счет.
И что Тому года,
Кто никогда не устает.
Ты слышишь? - Никогда...

О, если б только не забыть,
Придя к своей черте,
Того, кто не устал любить,
Распятый на кресте...

* * *

Суть созерцания – всегда
Есть самосозерцанье, это
Как бы высвобожденье света
Из наших стенок и клеток. –

Познать себя внутри твоей
Души, тебя – в своих глубинах.
И, видя вновь, что мы едины,
Который раз родиться вновь,
Познав, что в мире есть любовь.

* * *

Вечереет...Это значит-
Кто-то в небе тихо плачет
И стекающие слезы
Вдруг становятся березой
Или тонкою сосною
И свисают надо мною...

* * *

Ей дела нет до наших бед.
И до своих. Ей дела нет
До смерти, - вековой сосне,
Чуть-чуть шуршащей в вышине.

Что ей наш страх и наша речь?
Она не даст себя отвлечь
От вечной жизни, что слышна,
Когда чуть-чуть шуршит она...

* * *

В вечерний час, в час равновесья
Недвижных вод и дымных гор,
Незримый ангел в поднебесьи
Крыла прозрачные простер.
И в нашем шуме, в нашем гуле
Мы и заметить не смогли,
Что словно птицу вдруг спугнули
С небес – Хранителя Земли.
И все еще не угадали,
Как наша звездочка мала.
А эта высь и эти дали –
Лишь легкий взмах его крыла...

* * *

Опять дрожит безлиственная нить -
Весенний ветки... О, в каком вниманьи
Я вглядываюсь в мир, чтоб уточнить
Моей души домирное задание
Иероглиф подробнейшего дня,
Загадочная вязь ветвей и света...
Мне задан этот мир, и от меня
Так терпеливо ждет Господь ответа...

* * *

Ни ветерка. Лес замер сам
И мне велел застыть мгновенно
Прислушиванье к небесам
Бескрайним, и одновременно
К душе открывшейся своей
Распахнутой до дна. И, Боже
С минутой каждой всё ясней
Что это впрямь одно и то же...

* * *

Спокойный лес, поблѣкший небосвод...
И вот сосна, поскрипывая слабо,
За шагом шаг опять меня ведѣт
К иным мирам, верней, к иным масштабам.

И я стою, доверившись сосне,
Не ведая "откуда и куда я",
Но все, что раньше было нужно мне,
Само собой сегодня отпадает.

А нужно то, что мне сейчас дано.
И судьбы всех сплелись с моей судьбою.
И о посмертьи знаю я одно:
Оно начнется где-то над собою...

* * *

Молиться - значит возвращаться
К Истоку, обретая вновь
Ещё не преданное братство,
Ещё бесстрашную любовь.
Всё цело... Господи, помилуй,
Дай сил, всецельность не дробя,
Дышать и жить. О, дай мне силы
Для возвращения в себя.
Нет, не мечты, не идеала
Прошу я, - Только дай добрость
До сокровенного Начала,
До чистоты того, что есть .
Дай доглядеть и дай дослушать
Мир до предвечной красоты.
Дай, Боже, мне очистить душу,
Чтоб распознать Твои черты.
Чтоб чудом без моих усилий
Неоспоримы и светлы,
Они из сердца проступили,
Как мир из предрассветной мглы.

* * *

Ты успокойся. Бог возьмет
Тебя в ладонь ив ней подымет,

Все есть и только тайны больше нет
И Духа нет. И ты дышать не можешь.

* * *

Когда смешались даль и близь
Когда смешались низ и высь,
Туман и горные хребты,
Вода и небо, я и ты,
Тогда вот и открылось нам
То, что не здесь, но и не там...
О, Господи, а где и в чём? -
В проникновении сквозном.

* * *

И почему-то надо мне,
Как надобно в часы прибоя
Шептаться с берегом волне,
Всё время говорить с Тобою.

Ну да, как берегу волна,
Но только бесконечно тише...
Не важно, что, но я должна
Сказать Тебе, что слышу, слышу...

* * *

Вдруг выскользнуть из цепкой сети
Дел, задержать часов полёт
И неожиданно заметить,
Что жизнь по-прежнему идёт.

Ты зависаешь над судьбою,
Прозрачных далей не дробя,
И всё идёт само собою,
Как будто вовсе без тебя.

Ты стал сейчас лишь только взглядом –
Никто, уже почти не плоть.
Но только этого и надо,
Чтоб душу отыскал Господь.

* * *

Бог мыслит деревьями. Эта Берёза
Есть Божья, уму не понятная, мысль
И знаю я, - высохнут все наши слезы
Раз капли с лучами внезапно сошлись.

Бог мыслит деревьями, ветками мыслит
И линии долгой извилистый ход
И этой листвы шелестящие кисти
Есть медленной думы немой разворот.

Немая сосна и берёза немая. –

Бессмыслен и нем океан бытия.
Но птица звенит: я тебя понимаю!
И сердце вдогонку ликует: и я!

* * *

Чуть колеблемые тени,
Ветки шепчут в тишине.
Легкое прикосновенье
Духа к миру и ко мне.
Как лекарство к скрытой ране -
Хвойно-лиственный прибой.
Нежное напоминанье:
Я - повсюду, я - с тобой.

* * *

Когда-то я, как все, оторвалась
От всеединства... И возникло время.
Но вот теперь я знаю: жизнь есть связь.
Живой и значит — связанный со всеми.
И я затем лишь родилась на свет,
Чтобы исправить то, что совершилось
Ещё до света. Вереница лет
Дана мне, как единственная милость,
Как новый шанс...

Я знаю наизусть

Домирный грех... Но здесь, но в этом мире
С минутой каждой заново учусь
У дерева, у облака и шири,
Раскинутой за лесом, и у звёзд,
Шепчу сосне и морю: помогите
Моей душе построить тайный мост,
Связать в одно разорванные нити...

* * *

А можно ли писать пером жар-птицы?
Да, есть на свете огненные строфы
И есть неопалимые страницы,
Но автор их прошёл через Голгофу...

ВРЕМЯ - ЭТО ПУТЬ

Есть долг мой над долгами всеми-
Средь грома мира жить в тиши
И создавать простор и время
На глубине своей души.

Следить за тайным постоянством
Движения внутри пустот —
Да не убудет в нас пространство
И не свернется небосвод!

* * *

Усмиряется маета.

Открывается Высота.

Обнажается твёрдость дна.

Воцаряется тишина.

И доносится с неба весть:

В сердце Господу место есть!

Внутри Всевышнего примет грудь

Если лишнее отряхнуть.

I

Мир начинается с Нуля.

Из ничего встает Земля

И звезд немое волшебство

Рождается из ничего.

Из полной тьмы восходит свет.

Из одного сплошного "нет",

Как океанская вода

Разлилось мировое "Да!"

О, тот чреватый миром Ноль,

В котором утихает боль!

Та точка, где весы стоят,

Уравновешивая ад,

Где Дух одолевает вес

Всех гор и всех семи небес.

II

Ноль. Мировая Пустота.
Сквозь тонкость лёгкого листа,
Сквозь озарившуюся боль
Просвечивает Тайный Ноль.
Не-быть как не-бо. Ничего.
Растаявшее вещество,
Вконец растроченный запас –
Единое, что живо в нас.
Единый путь, что всем открыт.
Единое, что жизнь творит.
Единое, что душит смерть.
Единственная наша твердь.

III

Кто не доходит до нуля,
Под тем колеблется Земля.
Над тем гремит небесный гром –
Тот не становится творцом.
Кто до нуля дойти не смог.
Тому лишь только снится Бог
И глаза Божьего овал
Его пугает, как провал.

Одно есть в мире диво
Превыше всех чудес –
Жить так неторопливо,
Как очень старый лес.

Чтоб сердцу было неба
Отпущено в запас,
Чтоб, точно ломоть хлеба
Мы б смаковали час...

* * *

Какой покой, какая правота'
Как у того, кто выполнил задачу
Здесь не случайна каждая черта
И каждый ствол так бесконечно значим,
Как собственное сердце...Благодать –
На ветках дремлющих в безмолвьи строгом...
Не могут мозг и сердце враждовать.
Не могут люди не мириться с Богом.
Ведь как ни примеряй, как ни крои, -
Не будет мир живым без Миродержца
Мир вам, деревья тихие мои,
И мир тебе, измученное сердце...

* * *

Свет шествовал по сердцу, как по полю.

Свет вдавливал мне в грудь свой легкий шаг
И оставлял свеченьем тайной боли
В лесах души едва заметный знак.

Он шел и шел сквозь царство плотной ночи
И сам свой путь прокладывал внутри.
Вот отчего так долго кровоточит
Последний свет исчезнувшей зари.

* * *

Иносказанье бытия –
Иных миров мерцанье.
Мои деревья –это я,
Но лишь в иносказаньи.

И смысл отыщет только тот,
Кто, глядя сквозь обличья,
Иносказания поймет
И вновь ответит притчей.

* * *

В звенящей тишине хрустальной
На горной высоте немой
Хранится образ изначальный,
Неразрушимый образ изначальный,

Незрушимый образ мой.

И если по крутым ступеням
Взойти на эту высоту,
То я очнусь от искажений
И вновь бессмертье обрету.

И перед сердцем встанет снова снова,
Как неба целостный покров,
Нераздробляемое Слово
На смену всех замолкших слов.

* * *

Есть час, когда стрела луча закреплена
На неподвижном и незримом луке
И разом мировая Тишина
Перекрывает все земные звуки.

И в этот час, внутри остановясь,
Свет расширяет тайную границу.
Князь мира нем. Бессилен темный князь. —
Он ждет, когда стрела в него вонзится

Не может он пошевелить рукой.
Ни одного приказа дать не может.
И в мире настает такой покой,

Какой бывает только в царстве Божьем.

Тогда Господь с души не сводит глаз

И тихо вопрошает перед всеми:

Что ты успела в этот судный час,

Покуда останавливалось время?

* * *

И каждый вечер в час назначенный,

Всегда в один и тот же час,

Всё, что душой навек утрачено,

В безмолвии встречает нас.

И каждый вечер нам дарована

Возможность, растворяя грудь,

Всё то, что смертью заколдовано,

В безмолвьи вечности вернуть.

И тяжелеет сердце полное,

Вместившее небесный свод

И чудотворное безмолвие

Нас в Вечность медленно ведёт.

* * *

Мне надо стать бумагой белой,

Жить в совершенной тишине.
И ничего самой не делать,
Чтоб Ты мог действовать во мне.

Мне надо быть открытой Дверью
В ту глубь, где всё просквожено
Такою полнотой доверья,
В которой я и Ты - одно.

* * *

Весы миров. Две чаши вижу я
Застывших в равновесии мгновенном,
И на одной лежит душа моя,
А на другой — пространство всей Вселенной.

Какой же нужен неземной покой,
Какое затиханье в поднебесье,
Чтоб удержать недрогнувшей рукой
Таинственное это равновесье!..

* * *

Белый снег.

Легкий снег.

Тихий снег –

тишина.

Кончен звук,
 кончен бег,
 им граница дана.
Зависаю, как пух,
 у небес на краю.
И почуял мой Дух
 невесомость свою.

I
Что значит время? Время- это путь
Из смерти в жизнь. Та самая дорога,
С которой никому нельзя свернуть,-
Незримый тракт от зернышка до Бога.
Мы путники священного пути.
Мы все идем - деревья, звери, люди. –
И только тот, кто смог весь Путь пройти
Поймет, что значит "Времени не будет".

II
А время становится зримым,
Когда, выступая из сна,
Как Мекка в глазах пилигрима
Встает вековая сосна.
Оно никуда не девалось
Всё время ты можешь вернуть,—
Опять впереди небывалый

И, может быть, пройденный Путь.

* * *

Ещё нет времени. - Оно
Пока что не сотворено.
Ещё движенья в мире нет.
Есть только недвижимый свет.
Есть неизменность бытия,
И я есть Ты, а Ты есть я.

А смерть... Откуда же ей быть?
Она не может ухватить
Себе от мира ни куска.
Так твердь небесная крепка,
Где ни единый херувим
От Господа не отделим.

* * *

Здесь время замедляет шаг,
Втекающая внутрь. И это значит –
Оно тебе уже не враг,
Отбушевало море плача.
Простор души открыт и чист.
В зеркальность превратились волны.
Ты - не носимый ветром лист,
А тот сосуд, до края полный.
Былым и будущим. Им врозь

Нельзя. Ты двинуться не в силах
Затем, что в сердце собралось
Всё то, что будет и что было.

* * *

Снег падал тихо,

тихо,

тихо...

За кругом круг,

за нитью нить.

Как будто он хотел всё лихо,

Всю нашу боль похоронить.

Снег падал плавно,

плавно,

плавно

И оставлял, как лёгкий след,

Лишь то, что пишется с заглавной,

Что есть внутри, а в мире нет.

И было царствие лесное

Подобьем тех незримых мест, -

Земля покрыта тишиною.

На чёрных ветках - белый крест.

* * *

Кащей запрятал смерть свою

В глухом неведомом краю.
А тихий ангел жизнь хранит
На ветках елок и раки,
Да на вершине той сосны,
Которой ведомы все сны
Мои... На высоте такой
Живет доныне мой покой...

* * *

И нет препятствий, нет конца
Бессмертным замыслам Творца.
Вновь мировое полотно
Натянуто – на всех одно.
Есть ширь и свет. Есть холст и Тот,
Кто новый штрих сейчас внесет.

* * *

И спит, и видит... Лес идет
Сновиденным путем
Туда, в высокий небосвод,
Туда, за оком...

Путь Духа так же тих и прост:
Жить в тайной глубине,
Все силы устремляя в рост

И бодрствуя во сне.

Не разжимаются уста,
И очи не глядят
По сторонам. Лишь высота
Заворожила взгляд.

Шумит ли дождь, покрыл ли снег
Всю землю тишиной, -
Заснул мой внешний человек,
Но бодрствует иной...

* * *

Дождь крадётся осторожно.
Шаг — и нет, и вот опять.
Может быть и вправду можно
Этот мир околдовать...
Чары прежние разрушив,
Усыпить земной закон
И проникнуть прямо в душу,
Прямо в мой прозрачный сон.
Может есть и вправду выход?...
Лишь впусти его. И вот –
Дождь крадетса тихо-тихо,
Дождь на цыпочках идёт...
Обнимает жизнь лесная.
Запах сосен, плеск раки.

Тихий дождик что-то знает,
Мелкий дождик ворожит.
Звук капли... По минутке
Над заботой, над тоской...
Дождик добрый, дождик чуткий,
Дождь, несущий мне покой...

* * *

Безмолвие... Конца или начала?
Не всё ль равно, как это называть?
Как будто в миг, когда меня не стало,
Вся жизнь моя не началась опять...
Между двух бездн... В том самом промежутке,
Где - ничего , где ни один пустяк
Не промелькнет, где ни темно, ни жутко,
А только тихо... Господи, но как!
Как на море, где усмирились волны,
Как в Духе, в час согласия сердец.
Дойти б до совершенного Безмолвья,
А остальное довершит Творец...

* * *

В конце времён или во время оно,
В той глубине, откуда всходят сны,
Там, где стоят Деревья камертоном

Великой, совершенной Тишины.

Там, за пределом нашим, за границей,
Где больше нет ни жара и ни льда,
Есть водоём, в котором жизнь хранится. —
И мёртвый погружается туда.

ЛИКЕ

Завидую прекрасному уменью
Живописать. Но так бессильна я
Свои права оспаривать у тленья
Достав твой образ из небытия.
Как облака уходят все предметы.
В какую глубь их провожает глаз!
Небытие? Его, быть может, нету.
Но бытие безмерно глубже нас.
Ты это знала? То, что там, за гранью,
За горизонтом - не обрыв, а гладь?
Живому очень трудно это знанье,
И ты, быть может, не хотела знать.
Зачем тебе угрозы и посулы
Из дальнего?.. Вблизи был рай и ад...
Но час пришел, и даль в тебя взглянула,
И ты спокойно выдержала взгляд.
Да, в час, когда вся темнота нависла,
Ты, глядя вслед последнему лучу

* * *

Больше не найдёте
Прописных основ.
Слово стало плотью
Значит нету слов.

Дрогнувшее пламя,
Тверди рваный край, -
Значит — не словами, —
Жизнью отвечай.

Ни ушам, ни глазу, —
Сердцевине всей.
Целиком и сразу —
Больше нет частей.

В сердце, в мыслях, в горле —
Неба синева.
Это значит - стерлись
Всякие слова.

Над твоим порогом—
Всеобъявший свет.
Слово стало Богом,
Значит слова нет.

Блеск Богоявления.

Скрещены лучи.

Преклони колени

И молчи. Молчи.

* * *

Такая тишина настала,

Что время повернуло вспять

И можно жизнь начать сначала,

Как будто чистую тетрадь.

А дни, все дни, что пролетели, -

Скользнувший дым, обрывки сна.

Да, что же было в самом деле

До сей минуты? — Тишина.

Одна пустынная дорога

Или недвижимая ось...

И сердце обратилось к Богу

И в миг единый дозволось.

И как Он мог бы не услышать

И не открыть мгновенно дверь, —

Ведь не бывает мига тише

И сердца чище, чем теперь...

* * *

Минута молчанья, минута покоя.
Стоящее время, пространство сквозное.
Минута сквозенья, минута зазора
Меж мыслью и вещью. Минута простора —
Огромного неба, распахнутых далей,
Минута, в которой мгновения встали.
Меж смертью внезапной и новым рождением
Звездою безвестной повисло мгновенье.;

* * *

Есть точка покоя, есть точка такая,
Которая выше чем грань снеговая,
Чем пик высочайшего в мире хребта —
Души высота
Над уровнем боли,
Над уровнем страсти,
Над уровнем тленного смертного счастья.
И, может быть, гор снеговая гряда
Есть только лишь след, уводящий туда...

* * *

И вот взлетела к небесам
И навсегда осталась там
И Божьего коснулась лба
Окаменевшая мольба.

И, кажется, с тех самых пор
Воздеты к небу руки гор.
И достигают до Творца
Горе воздетые сердца.

* * *

Время, ведущее к Богу длинно.
Время, ведущее к Богу, дивно.
Время, ведущее к Богу, - это
Тайна запутанных в небе веток.
Это – над тяжестью и разрухой
Легкость распутавшегося Духа.

* * *

Где-то в мире так тихо!
Есть такая страна,
Где ни мора, ни лиха,
Где стоит тишина.
Ни надлома, ни горя.
Суеты — никакой.
Там, в стране Заозерья,—
Совершенный покой.
Там не спорят, не судят,
Не клянут, не рядят,—
Там притихшие люди

В Божьи очи глядят.

Как в колодец глядится

Голубая звезда.

Тот, кто в них отразится,

Тот и прав навсегда.

* * *

Такой пробел между Тобой и мной!

Такой простор для зренья и для слуха!..

Ничто не встанет на пути стеной —

Сплошное море веющего Духа!

Лишь только кликни — и со всех сторон

(Ведь невозможна ни одна помеха)

Достигнет сердца чистый звёздный звон

И отзовется троекратным эхом.

И ни единой мысли не дано

Смутить, рассечь простор ширококрылый.

И потому лишь мы с тобой одно,

Что Бесконечность нас соединила.

* * *

Облокотясь о небо, опершись

На промельки над низкой тучей темной,

Взглянуть туда, за меленькую жизнь
И доглядеться до другой –огромной.

Простор распахнут так, как будто он
За край земли ведущая дорога.
И вот, души раскрывшийся бутон
Протянут в пустоту – навстречу Богу.

Цветенье духа...Он сейчас открыт
Мирам иным, но землю не покинул
И без движенья в высоте парит,
Прислушиваясь к тяжести в глубинах...

* * *

О, эта тишина бездонного колодца,
Истока моего чистейшая вода,
В которой в миг один отмоется, сотрется
Все, что писала жизнь за долгие года.

* * *

А время не уходит никуда.
Оно осталось посреди простора. –
Недвижимая горная гряда...
Седое Время превратилось в горы.

Тяжелый кряж окаменевших лет

Со всеми днями, месяцами всеми...
Душа полна. В ней трещин больше нет.
И никуда не утекает Время.

* * *

Огромный Дуб, растущий на поляне,
На озеро похожей, окружённой
Сосновым лесом, трепетом берез
И тишиною.
Эта тишина
Кольцуется вокруг большого Дуба
За кругом круг, всё шире, всё огромней —
И создает наш мир.
Ну да, тот самый,
Который постепенно зазвучит, задвигается,
Засмеётся, начнет кричать
И вовсе позабудет про поляну,
На озеро похожую,
И Дуб, с которого всё началось когда-то.
И тишина расколется на части,
И под обломками её исчезнет
Все чудо жизни.
Но, Господи, пока ещё возможно,
Дай мне прильнуть к огромному стволу,
Держащему наш мир,
И помолиться.

Дай мне ещё побыть на той поляне
Под старым Дубом.
Может, он похож на те оливы,
Что Тебя видали и слышали моление о чаше?
Вот те оливы, что Ты спас когда-то,
Взойдя на крест.
Да, спас оливы и Тишину.
И отложил конец уже поколебавшегося мира,
Сказав "Прости им" ...и Отец простил
И согласился подождать немного,
Всего две тысячи мелькнувших лет.
Но вот они проходят, Боже мой!..
О, Боже мой, так научи, что делать,
Чтоб Дуб стоял
И Тишина росла...

* * *

И сколько ни сказано, всё-таки мало
И всё-таки главного я не сказала.
А Главное где-то стоит молчаливо
И делает сердце бездонно счастливым.
И новое слово, как чуткая птица
Над тайным гнездом своим тихо кружится
И, вновь вылетая в неведомость, ищет
Для вечной любви ежедневную пищу.

Как плод на ветке, мысль созрела.

Окончены мои дела -

Душа открылась до предела -

Вот все, что сделать я смогла.

Зинаида Миркина